

Письма Буниных к художнице Т. Логиновой-Муравьевой

(1936 -1961)

YMCA - PRESS

11, rue de la Montagne Ste Geneviève, Paris V^e

[Scan ImWerden](#)

OCR Ловецкая Т. Ю.

ВВЕДЕНИЕ

Мое знакомство с Буниным было не совсем обычным. В ноябре 1935 года была устроена "Выставка русских книг". В очень неудобной позе, сидя на полу, я рисовала плакат, когда надо мной раздался насмешливый голос:

-- А что вы тут делаете? -- я в сердцах подняла голову и осеклась -- Бунин!

-- Стараюсь написать плакат, да очень уж неудобно!

Отвернувшись, я почувствовала, как краска заливает лицо. И. А. заметил мое смущение и стал задавать мне вопросы один за другим: где я живу, с кем, что делаю, откуда приехала... и вдруг расхохотался.

-- Вот так написала! -- Выводя буквы e_x_p_o_s_i_t_i_o_n, я пропустила t_i! Плакат испорчен, досадую:

-- Это вы меня смутили! Что за допрос, не буду отвечать!

Я встала, чтобы направиться к устроителям. Бунин не отходил:

-- Так вы с характером, вот какая! Значит, вы художница, а я поэт, давайте встретимся, поговорим! Позвоните мне. -- И на билетике первого класса метро он написал номер телефона.

В сущности, я была очень польщена и несколько дней колебалась: звонить или нет? Но любопытство взяло верх. Ответил мне женский голос: "Вам Иван Алексеевича? Ян, тебя". Голос показался мне особенным, скорее трескучим, чем мелодичным. Зато голос И. А. был исключительным по его необычным интонациям, он актерски пользовался ими. Это первое свидание в кафе на площади Ла Мюэт, во время которого Бунин говорил, а я слушала, не веря, что сижу с великим писателем, навсегда в моей памяти. Узнавши, что я живу почти что по соседству, Бунин довольно часто звонил, чтобы посидеть в кафе, пойти в синема, однажды пригласил в шведский ресторан. В ту же осень Гончарова и Ларионов устроили обед в честь Бунина в испанском ресторанчике, который Гончарова декорировала. В тот вечер я познакомилась с Верой Буниной. Держалась она прямо, с большим достоинством, бархатное платье обтягивало ее еще стройную фигуру, лицо показалось мне приветливым и моложавым. Наталья Сергеевна Гончарова училась в Москве в той же гимназии Стоюниной, что и Вера Бунина. По ее словам, Вера была первой красавицей во всей гимназии. Лицо точно из белого мрамора, и синие глаза сияли, как звезды. Встретились мы еще на балу у писателей. Она продавала с другими дамами в буфете пирожки и сласти и ей было не до разговоров. Меня же больше интересовал И. А., который часто подсаживался к нашему столу. Я не представляла себе тогда, что дружеские отношения наши будут продолжаться 25 лет, до самой смерти Веры Николаевны в 1961 году.

Бунин плохо переносил парижские дожди, часто болел гриппом и мечтал о "блаженном юге". Так и в этом, 1936, году он долго хворал и ранней весной уехал с В. Н. в Грасс. Я скучала, и мне тоже захотелось провести лето в Грассе. На мое письмо И. А. ответил, что не советует: "летом Грасс пустыня". Но в этой "пустыне" была дача Бельведер, и меня тянуло туда... Встретили меня Бунины радушно; на даче с ними жил Зуров, с которым я познакомилась за обедом; сервировал провансальский повар Жозеф. Это была вся роскошь, которую позволяла себе семья нобелевского лауреата.

В июле Бунин оживился -- приехали на юг парижане: Зайцевы, Алданов, Фондаминские, Цетлины, та литературная и около литературная среда, без которой И. А. не мог жить и которая в этом году Бунину еще более была необходима, так как он тосковал от отсутствия Г. Кузнецовой. Молодое женское общество развлекало его и вдохновляло, а его как раз не хватало! Помню одну прогулку вдоль канала над Грассом. И. А., Зайцев, Зуров шли впереди, а дамы отставали. Вера Зайцева была в ударе и много оживленно рассказывала. Потом В. Н. сказала мне: "У Веры больше таланта и блеска, чем у Бориса".

Дача Бельведер, с огромной пальмой у входа, которая за эти полвека еще выросла. Пальма давала тень на площадку перед домом, на которой стояли большой стол, стулья, кресла. Тут пили чай и вели